

УДК 332.1

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАСТЕРНЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МАКРОРЕГИОНОВ РОССИИ

Желудкова Т. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: reutov@ieu.cfuv.ru

Рассмотрены концептуальные подходы к функционированию высшего образования страны, включая структурные и динамические тренды в контингенте обучающихся, профессорско-преподавательского состава по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. Обозначены ключевые тенденции подготовки аспирантов и докторантов. Определено влияние миграционных процессов и преобразований рынка труда на вовлеченность в процесс обучения. Проанализированы субъективные предпочтения по перспективам получения высшего образования за последние годы. Выявлены основные региональные признаки трансформации отношения респондентов к целесообразности обучения по программам высшего образования в разрезе федеральных округов страны.

Ключевые слова: региональная политика в сфере высшего образования, макрорегионы, черты системы высшего образования, факторы динамической внешней среды, структурные тренды.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация статуса высшего образования последних десятилетий, а также необходимость поиска драйверов экономического роста в условиях новых геоэкономических и геополитических условиях вынуждают рассматривать постоянное реформирование отечественной высшей школы за последние десятилетия как сдерживающий механизм ее инновационного развития. Сформировавшиеся правовые и организационные лакуны не позволяют эффективно реализовывать потенциал вузов в форме создания принципиально новых и достаточно сложных интегрированных образовательных систем (образовательных кластеров) с бизнес-сообществом, научно-исследовательскими организациями и территориальными рынками. Институциональные ограничения, демографические изменения и структурная трансформация отечественной экономики предопределяют востребованность создания на базе высших учебных заведений новых специализированных организационно-экономических научно-образовательных кластеров.

Однако факторы, влияющие на реальность создания и эффективного функционирования таких кластеров, а также структурные и динамические тренды в самой образовательной среде все еще остаются за рамками рассмотрения большинства исследователей, концентрирующих свое внимание на статистических показателях и не рассматривающих уже реализовавшиеся тенденции, способные задействовать сдерживающий характер востребованных преобразований в реалиях сложившейся институциональной среды. Несогласованность правовых условий создания научно-образовательных кластеров и стратегий регионального социально-экономического развития территорий нейтрализуют потенциал практико-ориентированного взаимодействия науки, бизнеса и вузов до формальных программ взаимодействия.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

По данным Всемирного экономического форума, Россия «занимает высокое 4-е место в мире с точки зрения объема человеческого капитала, но лишь 42-е место по параметрам реального использования навыков в трудовой деятельности» [18]. Это актуализирует проблему качества человеческого капитала, воспроизводимого в отечественной системе образования, и налаживания механизмов его рационального использования в экономике, однако не объясняет причин данного противоречия, возникших, на наш взгляд, из-за неоптимальных преобразований и в структуре экономики страны, и в самой высшей школе. Именно по этой причине мы ориентировали свое исследование на выявление причин несоответствия структурных потребностей рынка труда и контингента выпускников вузов в контексте как страны в целом, так и в контексте федеральных округов.

Являясь одним из основных системообразующих институтов общества, образование (реализуя широкий спектр общественно-значимых функций и находясь под влиянием происходящих общественных, геоэкономических и геополитических трансформаций) носит очевидный дуальный характер (одновременно стремясь к сохранению консерватизма устоявшихся норм, ценностей и институтов, стимулируя и поддерживая инициацию и интегрирование в социум наиболее значимые инновации и передовые практики). Всеобщая унификация знания и интернационализация образования формируют единое мировое образовательное пространство и глобальный рынок образовательных услуг, опираясь на импульсы тиражирования информационных технологий и цифровизации самой образовательной среды.

«Параллельные» процессы регионального и/или национального позиционирования в образовании (усиленные ограничениями, связанными и с пандемией, и с переформатированием геополитических реалий в текущем году) формируют усиление «встречной» тенденции, направленной на сохранение уникальности местных и территориальных специфических аспектов образовательной среды и педагогических школ.

«Массовизация» высшего образования в последние десятилетия (когда «процент людей с высшим образованием в странах «Большой двадцатки» приблизился к уровню 40 %» [2, с. 5], а «54 % россиян от 25 до 64 лет имеют диплом вуза» [3]) ведет к дискредитации теории сигнализации Майкла Спенса [4] и предполагает, что в ближайшие годы драйвером образовательной парадигмы может стать идея «нового элитного» образования, базирующегося на уникальном экспертном уровне очной (оффлайн) модели.

Демократизация образования (выражающаяся в серьезнейшей критике универсализма, стандартизации, рационализма, жестких правил, строгой иерархии управления, характерных для централизованной системы образования), на наш взгляд, позволяет реализовать потенциал образовательных технологий цифровой среды и преодолеть институциональные границы, доминировавшие в образовании большинства развитых стран.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАСТЕРНЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ...

Отечественные вузы фактически сталкиваются с дилеммой: неочевидный и сложно реализуемый в настоящих условиях выбор модели интернационализации образовательного процесса (с вовлеченностью в глобальное образовательное пространство и принятием международных правил игры) или различной по степени автономизацией национального образовательного пространства («с очевидным риском в течение 10–15 лет превратиться в образовательный арьергард» [5, с. 5]). Полагаем востребованным отметить и тот факт, что «бюджет американского университета составляет от 300 до 1300 млн долларов в год, а бюджет регионального российского классического университета (с числом студентов порядка 15000 человек) составляет около 5 млн долларов» [2, с. 10].

Первое из вышеуказанных направлений развития в существующих геополитических реалиях становится малоперспективным и продолжает свое потенциальное существование в следующих направлениях: эмиграция отечественных педагогов и исследователей; сохранение профессиональных программ и коммуникаций лишь на уровне личных контактов; практически безвозвратный характер выезда россиян на обучение за рубеж; сворачивание и/или замораживание абсолютного большинства программ поддержки международной мобильности для отечественных исследователей и обучающихся; отказ от продления существующих и разработки новых совместных программ обучения с зарубежными вузами–партнерами и др. Обоснованно констатировать, что идеи о полноценном участии отечественных вузов в формировании мирового мета–университета (как глобальной международной сети консорциума университетов и корпораций) в нынешних реалиях преждевременна. Попытка создания отечественного аналога нового типа открытого информационно-образовательного ресурса (в рамках платформ «Открытое образование» [6] и электронной библиотечной системы «Университетская библиотека онлайн» [7]), аналогичного «Free Online Courses From Top Universities» [8], не смогла (в первую очередь именно из-за институциональных ограничений) стать полноценным аналогом. Даже в условиях антиковидных ограничений ИКТ–форматы образовательного процесса не смогли стать полноценным аналогом онлайн–образования, так как формальный перенос неадаптированного образовательного контента на платформы аналогичные MOODLE не является переходом к полноценному дистанционному формату обучения.

Следовательно, обоснованно ожидать повышения роли отечественного Министерства науки и высшего образования, усиления мер отчетности и мониторинга, преобразования (включая повсеместное внедрение модификаций эффективного контракта), сокращения контингента обучающихся и миграционные тренды в преподавательской среде (отчасти напоминающие вынужденную стороннюю занятость 90–х) и иные тенденции. Для абсолютного большинства отечественных университетов коммерциализация научных идей, рост интегративности и практико-ориентированности, а также укрепление региональных связей с местными сообществами, государственными и бизнес–структурами остаются формальными пожеланиями, а не основой разработки жизнеспособных стратегий развития.

И если «флагманы» отечественных вузов (МГУ, РАНХиГС, МГИМО, НИУ ВШЭ, РЭУ им. Г. В. Плеханова и др.) пока еще способны генерировать креативный подход к совмещению образовательной и научно-исследовательской деятельности преподавателей, то университеты регионального уровня практически полностью зависимы от бюджетного финансирования и попытки их интегрирования в бизнес-среду на момент исследования все еще носят преимущественно формальный и/или принудительный характер. При этом динамика количества действующих вузов в стране (таблица 1) свидетельствует о серьезных изменениях в их структуре за исследуемый период.

Таблица 1.

Организации и их филиалы, осуществлявшие образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на начало учебного года) в Российской Федерации [10, с. 139]

Организации и филиалы по типу собственности	Годы							
	2005		2010		2015		2020	
	Организации	Филиалы	Организации	Филиалы	Организации	Филиалы	Организации	Филиалы
Государственные и муниципальные	655	1102	653	1069	530	727	495	435
Частные	413	519	462	599	366	352	229	128
Всего	1068	1621	1115	1668	896	1079	724	563

На фоне сокращения количества государственных и муниципальных вузов на 25 %, количество частных вузов сократилось на 45 %. За тот же период количество филиалов государственной и муниципальной форм собственности сократилось на 60 %, тогда как частных – на 75 %. При этом с 2005 года количество обучающихся в государственных и муниципальных вузах «сократилось с 5985,3 тыс. чел. до 3736,3 тыс. чел. в 2020. За тот же период контингент обучавшихся в вузах частной формы собственности сократился с 1079,3 тыс. чел. до 332,0 тыс. чел.» [10, с. 181]. Примечателен тот факт, что валовый коэффициент охвата молодежи высшим образованием (отношение численности студентов, обучающихся по образовательным программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, к численности населения в возрасте 17–25 лет) практически не меняется и «составляет 32,2 % от населения соответствующей возрастной группы» [10, с. 182]. Лишь в 2010 году произошел разовый «всплеск» контингента студентов (до «35,4 % от численности населения, отнесенного к молодежи» [10, с. 182]).

Размещение вузов по субъектам Федерации свидетельствует о четком разделении федеральных округов по степени концентрации высшей школы страны на их территории. Согласно данным Министерства науки и высшего образования

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАСТЕРНЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ...

(таблица 2), «наибольшее количество вузов находится в Центральном федеральном округе, второе место по данному показателю занимает Приволжский, третье – Северо-Западный федеральный округ, последнее – Дальний Восток (39)» [11]. Следует отметить, что среди субъектов, входящих в указанные федеральные округа, «превалирующее число учебных учреждений высшей ступени размещено на территории городов федерального значения – Москвы (144) и Санкт-Петербурга (62)» [12, с. 28].

Таблица 2.

Количество вузов в разрезе субъектов Российской Федерации (2020 г.)

Федеральные округа	Самостоятельные образовательные организации, всего	Самостоятельные образовательные организации, государственные и муниципальные	Самостоятельные образовательные организации, частные
Центральный	258	154	104
Северо-Западный	87	59	28
Южный	58	40	18
Северо-Кавказский	40	26	14
Приволжский	111	87	24
Уральский	47	37	10
Сибирский	70	59	11
Дальневосточный	39	35	4
РФ в целом	710	497	213

Источник: составлено автором по данным Минобрнауки РФ [11].

Следовательно, оправданно констатировать, что складывается четкая система градации вузов на «флагманские», «вузы региональных центров» и «второй эшелон». Однако такое разделение предопределяет оправданность модели элитарного образования с высоким конкурсом для первых, значительной вероятностью трудоустройства по профилю для выпускников вторых и номинальным наличием диплома о высшем образовании для третьих. Де-факто такое положение уже начинает реализовываться, так как согласно данным Федеральной службы государственной статистики России, переезд для получения образования является для россиян третьей по распространенности причиной смены постоянного места жительства в рамках территории страны «(240 046 человек от общего числа за 2020 год), уступая только переезду по семейным обстоятельствам (1 146 357 человек) и сменой места работы (395 775 человек)» [13].

Кроме «образовательной мобильности» контингента абитуриентов на динамику структуры студенческого сообщества, на наш взгляд, значимо влияют и еще несколько факторов: внутрисемейные приоритеты и ценностные установки домохозяйств; изменение приоритетов потенциальных работодателей по отношению к наличию диплома о высшем образовании; переформатирование структуры бюджетных мест; изменения в контингенте профессорско-преподавательского

состава (ППС) вузов. Пытаясь проверить данную рабочую гипотезу, мы смогли выявить следующие значимые факты:

– согласно исследованию, проведенному сервисом по поиску работы SuperJob, «в 2021 году лишь 43 % опрошенных сообщили о готовности ребенка продолжать учебу в вузе, в 2010 году число желающих составляло 80 %» [3];

– по данным опроса исследовательского центра «Зарплата.ру», «почти для трети из двух тысяч российских компаний больше важен опыт и навыки соискателей, чем диплом» [14];

– обзор динамики зарплат выпускников вузов, по материалам НИУ ВШЭ, свидетельствует о том, что «40 % выпускников меняют регион проживания, а доля трудоустроенных с магистерской степенью составляет 78 %» [15];

– с 2005 года произошли существенные изменения в контингенте обучающихся в вузах и их «численность сократилась на 42,7 %, однако тренд на сокращение значительно разнится по регионам (в ЦФО – на 40,7 %; СЗФО – 42 %; ЮФО – 30,5 %; СКФО – 43 %; ПФО – 44,1 %; УФО – 49,1 %; СФО – 43,9 %; ДФО – 55 %)» [16, с. 141].

Если в 2005/2006 учебном году (таблица 3) студенческий контингент преимущественно концентрировался в Центральном, Приволжском и (в меньшей степени) Северо-Западном и Сибирском федеральных округах, то к 2020/2021 учебному году более 50 % студенческого сообщества было сосредоточено в Центральном и Приволжском федеральных округах. И это несмотря на то, что «число образовательных учреждений высшего профессионального образования по России за последнее десятилетие сократилось на треть, а максимальное сокращение произошло именно в Центральном федеральном округе (причем как в относительном (–39,7 %), так и в абсолютном (–170 ед.) значениях показателя» [16, с. 141].

Таблица 3.

Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на начало учебного года, тысяч человек)

Федеральные округа	Учебный год			
	2005/2006	2010/2011	2015/2016	2020/2021
Центральный	2 167,2	2 215,9	1 455,3	1 284,4
Северо-Западный	731,1	712,0	464,6	424,2
Южный	569,7	585,9	470,8	395,8
Северо-Кавказский	361,1	366,8	256,9	206,1
Приволжский	1 426,9	1 395,9	946,0	798,2
Уральский	571,9	577,3	362,1	290,9
Сибирский	840,5	801,5	570,7	471,6
Дальневосточный	395,2	394,5	240,2	178,0
РФ в целом	7 064,6	7 049,8	4 766,5	4 049,3

Источник: составлено автором по данным Росстат [17, с. 336–339].

В рамках исследуемого периода значимо изменилась и численность профессорско-преподавательского состава вузов страны, снизившись в целом по стране на 37,5 % (таблица 4). При этом в рамках федеральных округов «наибольшее

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАСТЕРНЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ...

сокращение кадрового потенциала наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе – на 45 %, Сибирском федеральном округе – 44,8 % и в Уральском федеральном округе – 41,1 %» [16, с. 142].

Таблица 4.

Численность профессорско-преподавательского состава организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на начало учебного года, человек).

Федеральные округа	Учебный год			
	2005/2006	2010/2011	2015/2016	2020/2021
Центральный	113 910	111 340	88 084	75 141
Северо-Западный	42 040	40 317	33 229	26 863
Южный	30 482	29 888	27 111	21 029
Северо-Кавказский	18 568	19 634	14 436	10 210
Приволжский	67 660	65 921	51 447	40 369
Уральский	24 676	23 309	19 049	14 535
Сибирский	41 398	43 530	32 587	25 042
Дальневосточный	18 093	14 221	13 815	9 899
РФ в целом	356 827	348 160	279 758	223 088

Источник: составлено автором по данным Росстат [17, с. 332–335].

Кроме нисходящего динамического тренда изменений в численности ППС обращает на себя внимание и негативная динамика в возрастной структуре педагогических сотрудников (рисунок 1). При сохранении сложившейся негативной тенденции «старения» кадров, реализующих образовательные программы, актуализируется проблема замещения из среды выпускников аспирантуры, докторантуры и специалистов–практиков, так как в противном случае очевидна негативная перспектива профессионального выгорания и снижение качества учебного процесса.

Тем не менее, анализ данных Росстата о динамических тенденциях количества обучающихся в аспирантуре и докторантуре (в разрезе федеральных округов страны) фиксируют фактическую нереализуемость программы обновления ППС в вузах страны (таблицы 5 и 6). Концентрация обучающихся в аспирантуре в Центральном, Приволжском и Северо-Западном федеральных округах лишь фрагментарно совпадает со структурой концентрации и контингента обучающихся и занятости профессорско-преподавательского состава вузов.

Некоторый рост обучающихся в аспирантуре, отмечавшийся практически по всей территории страны в 2010 году, за последнее десятилетие не возобновлялся ни в одном федеральном округе. Причинами этого, на наш взгляд, допустимо считать: деградацию статуса преподавателя в социальном сознании; прекращение существования большей части имевшихся научных школ; неадекватную реальям реформу системы подготовки аспирантов и докторантов; сокращение доступных социальных лифтов, требующих наличия ученой степени; утрата материальной и творческой мотивации молодежи к исследовательской и педагогической

деятельности; демографические изменения структуры российского социума; падение покупательской способности населения и иные факторы.

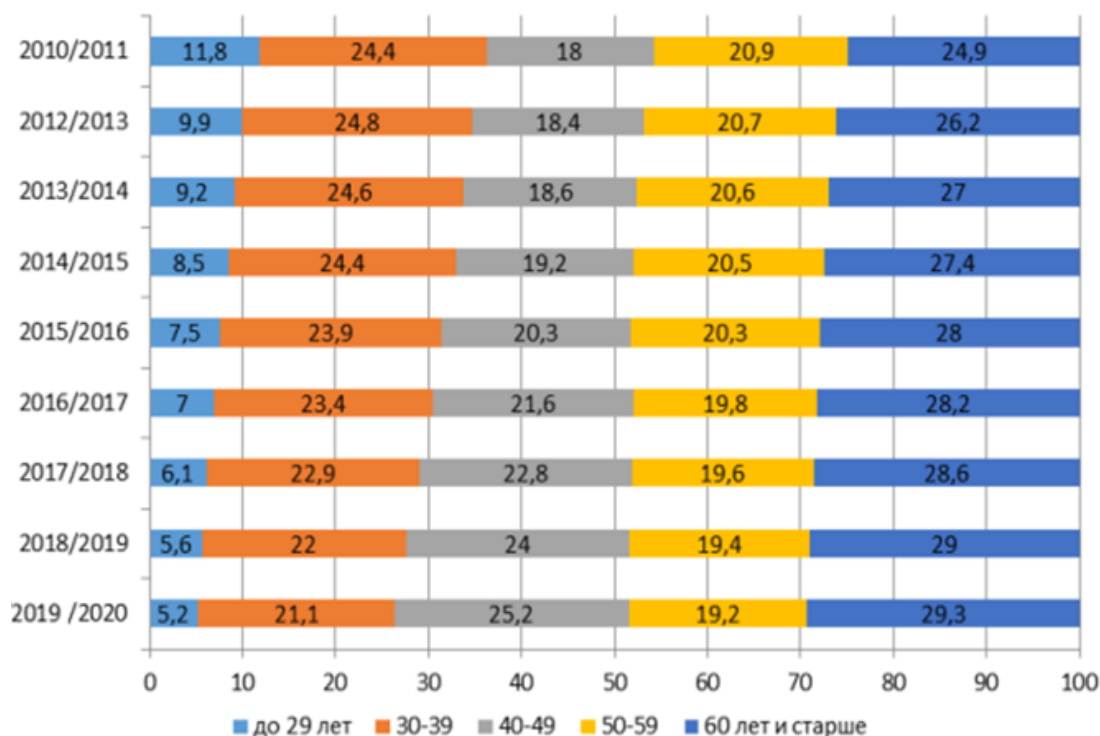

Рисунок 1. Возрастная структура профессорско-преподавательского состава высшей школы за 2010/2011 – 2019/2020 учебные годы [16, с. 143].

Таблица 5.

Численность аспирантов (человек)

Федеральные округа	Годы			
	2005	2010	2015	2020
Центральный	58 996	63 864	43 740	36 248
Северо-Западный	18 748	19 516	14 166	11 764
Южный	10 037	10 946	7 951	6 586
Северо-Кавказский	4 997	5 671	3 826	2 911
Приволжский	20 688	24 507	18 003	13 107
Уральский	7 907	9 256	6 197	4 685
Сибирский	15 934	17 075	12 145	9 609
Дальневосточный	5 592	6 602	3 908	2 841
РФ в целом	142 899	157 437	109 936	87 751

Источник: составлено автором по данным Росстат [17, с. 354–355].

Таблица 6.

Численность докторантов (человек)

Федеральные округа	Годы			
	2005	2010	2015	2020
Центральный	1 543	1 545	750	369
Северо-Западный	683	672	249	127
Южный	367	400	197	140
Северо-Кавказский	174	138	42	4
Приволжский	623	735	354	147
Уральский	211	178	101	49
Сибирский	567	601	247	103
Дальневосточный	114	149	67	40
РФ в целом	4 282	4 418	2 007	979

Источник: составлено автором по данным Росстат [17, с. 358–359].

ВЫВОДЫ

Негативные тенденции, оказывающие факторное влияние на ситуацию с востребованностью кластерного подхода (к формированию новых организационно-экономических единиц на базе региональных вузов) в высшей школе страны, сложились еще до геополитических и геоэкономических изменений текущего года.

На базе региональных вузов оправданно и возможно (за счет пересмотра акцентов региональных стратегий социально-экономического развития субъектов) сформировать научно-образовательные кластеры, способные стать новыми драйверами роста, однако для реальности этих преобразований необходимы серьезные изменения в институциональной среде и региональной экономической политике.

Кластерная форма организации потенциально имеет высокие шансы на реализацию синергетического эффекта от эффективного взаимодействия заинтересованных представителей бизнес-сообщества, вузов и территорий, а институционализация данного противоречия может быть решена исключительно по принципу инициации властной вертикали.

Список литературы

1. Капшук Е. А., Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Ганбаатар Ц. Образовательная миграция в современной России: тенденции и проблемы // Теория и практика общественного развития. 2022. № 3. С. 26–32.
2. Аналитический доклад-дайджест «Тенденции развития высшего образования в мире и в России» // Научно-исследовательский институт развития образования, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва. 2021. 199 с.
3. Пенкина Ю. Нужно ли иметь высшее образование и диплом в 2022 году // Агрегатор онлайн-курсов и онлайн-школ «УчисьОнлайн.ру». 3 мая 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://uchis-online.ru/blog/visshee-obrazovanie/nuzhno-li-imet-visshee-obrazovanie-i-diplom>
4. Spence A., Michael A. Market signaling: informational transfer in hiring and related screening processes // Cambridge, Harvard University Press, Internet Archive (2019-02-08). [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/marketsignalingi0000spen>

5. Исследование SEDeC «Эпоха «гринфилда» в образовании» // Центр образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО (SEDeC). [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/h2m8C>
6. Проект «Национальная платформа открытого образования» // Ассоциация «Национальная платформа открытого образования». [Электронный ресурс]. URL: <https://npoed.ru/about>
7. Сервис «Электронная библиотека ONLINE» // Издательство «Директ-медиа». [Электронный ресурс]. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_blocks&view=main_ub
8. Coursera (Online Courses & Credentials From Top Educators) // Электронные версии образовательного контента по курсам. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/courserarussia>
9. Информационный материал «Coursera» // Российская версия свободной энциклопедии «Википедия» от 2 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Coursera>
10. Индикаторы образования: 2021: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, В. И. Кузнецова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 508 с.
11. Сведения об образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, в разрезе субъектов Российской Федерации // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/Yg2zN>
12. The Global Human Capital Report 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-human-capital-report-2017>
13. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году (Статистический бюллетень) // Федеральная служба государственной статистики России. М.: Росстат, 2021. 102 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/h3Uf9>
14. Назарова К. Россияне рассказали о желаемой зарплате после окончания вуза // Новости портала «Lenta.ru» от 29 марта 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/18/facestar/>
15. Ламова Е. Эксперты оценили разницу в зарплатах молодых бакалавров и магистров // материалы РБК-PRO, 6 апреля 2022 г., [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/06/04/2022/624c24ce9a7947584003e74b>
16. Хаджалова Х. М., Абдулманапов С. Г. Влияние реформирования системы высшего образования на изменение кадрового потенциала // Журнал прикладных исследований. 2022. № 4. Том 2. С. 140–145. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/zhurnal-prikladnyh-issledovaniy?i=1103736>
17. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 // Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf
18. Индекс развития человеческого капитала 2020 // Всемирный банк. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital>

Статья поступила в редакцию 15.06.2022